

ПРЕССА В РОССИИ: МЕЖДУ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОБЩЕСТВОМ И ДИКТАТОМ

Расскажите пожалуйста, как вы пришли в журналистику?

В 1967 году я начал работать в редакции районной газеты «Ленинское знамя» в Молдавии. Потом учился Московском университете, на факультете журналистики. Работал в газете «Советская Молдавия». В 1976 году поступил в аспирантуру факультета журналистики МГУ, защитил диссертацию, посвященную проблемам журналистского творчества. Работал в институте экономики и информации. В 1988 году меня пригласили преподавать во Всесоюзный институт повышения квалификации работников печати. Тогда же опубликовал несколько статей, в которых шла речь о необходимости изменения всей системы деятельности средств массовой информации.

В 1991 году мы с группой коллег создали Всероссийский институт печати и массовой информации, где я был проректором, а в 1994 году — Институт гуманитарной коммуникации, это, собственно, и была наша организация — года четыре назад институт поменял своё название, теперь он называется «Независимый институт коммуникативистики». Я здесь с тех пор и работаю, с некоторыми перерывами. Один перерыв был связан с моей работой в Комитете по печати, другой с работой в одной американской компании, где я был вице-президентом по коммуникациям. Все эти годы сотрудничал со СМИ, печатался в газетах и журналах, вел передачи на радио.

Как бы Вы охарактеризовали жизнь средств массовой информации в эпоху президента Ельцина?

Я исхожу из того, что процесс, запущенный Горбачёвым, был абсолютно необходим и неизбежен. Возможны были лишь некие варианты, и то весьма ограниченные. Сталин осуществил индустриализацию. Как осуществил — другой вопрос; погубив огромное количество людей... Но тем не менее, он вывел страну из аграрного мира в индустриальный, а образ жизни остался традиционный, характерный для феодального общества. То, что произошло в 90-е годы — это попытка придать современную общественную форму сложившемуся в России индустриальному обществу. Однако первая попытка создать гражданское общество провалилась. Провалилась потому, что у подавляющего большинства населения не было навыков жизни в гражданском обществе. Двухтысячелетние традиции, формировавшие рабскую психологию, рабскую систему отношений, не дали реализовать гражданское общество. И только средства массовой информации пытались жить по правилам современного общества, подменяя собой гражданское общество.

Журналисты выступили если не как инициаторы, то как плаштан тех социальных идей, которые носились в воздухе, но не были озвучены. Журналисты взяли на себя миссию кристаллизации гражданского общества. Но это им не удалось. Грянул 1991 год и миллионы сограждан поняли, что их обманули. Потому что они ждали не гражданского, а богатого общества, общества

Иосиф Михайлович Дзялошинский — Председатель Совета директоров Независимого Института Коммуникативистики, президент Правозащитного фонда «Комиссия по свободе доступа к информации», профессор Высшей школы экономики, человек, прошедший долгий путь в журналистике, и пришедший к выводу, что журналистика — не просто способ зарабатывания денег, а общественная служба, инструмент реализации гражданского общества...

потребления, где будет гарантирован высокий прожиточный минимум — как в Америке — и при этом дана некая воля, но никакой ответственности. В результате произошло громадное национальное разочарование в реформах.

Иосиф Дзялошинский

Вы говорите, что журналисты были профессионально заинтересованы в свободе. А власть? Она искренне стремилась к демократизации или эти идеи были ширмой для реализации экономических интересов?

Я абсолютно убеждён, поскольку знаю некоторых людей из элиты того времени: они совершенно искренне верили, что

журналисты объясняют это тем, что, дескать, денег не стало, народ обеднел — но мы проверили — народ обеднел, конечно, сильно, но на водку тратил столько же, сколько и до повышения цен. А тиражи упали в сто раз. Это означало...

Апатню?

Да. И поэтому пресса стала искать способы выживания. А уровень самоуверенности у журналистов был достаточно высокий, идея четвёртой власти, транслировавшаяся со всех трибун, казалась совершенно очевидной — и вдруг такой удар... Надо было выбирать способы выживания. Вариант 1 — идти на поклон государству. Пошли. Просили закон о господдержке. Получили. Возник альянс с властью. Вариант 2 — идти на поклон к бизнесу. Пошли. Достаточно большое количество изданий заручилось поддержкой бизнеса, но поскольку бизнес тогда был политизирован чрезвычайно, пресса разделилась на политические отряды. Это подорвало ощущение единства профессии: журналисты поняли, что они не единый клан, а множество кланчиков. Разразились информационные войны. В результате кривая доверия стала катиться вниз. В 1989 году, ещё во Всероссийском институте печати мы проводили опрос — уровень доверия населения к прессе был около 40 пунктов, на сегодняшний день это 9 пунктов. Понятно, что саморазоблачение прессы, когда

Они говорят: «Это же бизнес, мы же должны делать газету, кормить сотрудников». На мой взгляд, это измена сути журналистской деятельности, которая должна выражать мнение общественности и обеспечивать общественность информацией

путём концентрированных усилий за 10–15 лет удастся преобразовать отношения собственности, удастся запустить механизм становления цивилизованного общества по евро-американской модели. До 1994-го года верили

А в 1994-м?

Во-первых, выборы 1993 года показали, что элита обманывается относительно национального согласия. Во-вторых, в 1994-м начала проявляться тенденция олигархизма. Чувствовалось, что не удалось запустить механизм саморазвития, деньги, которые зарабатывались капиталом, начали уходить, криминал брал под контроль сферу бизнеса, это становилось очевидным в 1994-1995-м годах, вектор пошёл в сторону реализации какого-то разрушительного сценария.

Пресса была лидером общественного мнения до 1991 года — гигантские тиражи, массовые иллюзии... Затем оказалось, что идеи гражданского общества не совпадают с материальным благополучием и массовое сознание обвинило прессу в порождении неоправданных иллюзий. Резко упали тиражи. Обычно сами

одна газета обвиняла другую в том, что та является орудием такого-то капитала, а главные каналы страны друг с другом воевали, подорвало авторитет прессы.

Реализация этих двух вариантов привела к профессиональной катастрофе. Катастрофе, определенной не столько внешними обстоятельствами, сколько абсолютной неготовностью журналистского сообщества жить и действовать в этих сложных условиях. Журналистское сообщество в целом (я не говорю об отдельных людях, которые до сих пор сохраняют светлую голову и чистые руки) сдалось немедленно, продано на корню со всеми потрохами, готово было обслуживать кого угодно и как угодно за самые мизерные гонорары.

Стремление выжить любой ценой, естественное для любого обычного человека, но противостоевшее для людей некоторых социальных функций (телохранители, спасатели, к ним я отношу и журналистов), привело к тому, что подавляющее большинство руководителей

СМИ абсолютно потеряли ощущение того, в чем смысл журналистской деятельности. Они говорят: «Это же бизнес, мы же должны делать газету, кормить сотрудников». На мой взгляд, это измена сути журналистской деятельности, которая должна выражать мнение общественности и обеспечивать общественность информацией. Это распад профессионального сознания.

И был третий вариант развития — идти на сотрудничество с населением, становиться тем, что мы называем «журналистика соучастия». Несколько лет мы пытались развивать именно этот тип журналистики... Но он оказался не очень прибыльным, поэтому он находится сейчас в угнетённом состоянии.

А какие произошли изменения в связи с избранием нового президента?

С приходом Путина стране было объявлено: побаловались — и хватит. Мы будем управлять страной, а вы все — будете подчиняться и исполнять, то, что скажем. Речь в данном случае не о режиме Путина: его команда делает то, что может, и так, как умеет. Можно даже предположить, что они движимы самыми хорошими намерениями: усилить страну, поднять ее престиж, увлечь народ высокими идеями, — мало ли какими камнями вымощена дорога в ад. Я совершенно определённо утверждаю: наш президент действительно мечтает о добре для страны, но, как мне кажется,

выбранные им средства как раз до добра не доведут. Отлучение большинства людей от реального участия в управлении национальными, региональными и местными процессами, камуфлируемое заботой о повышении эффективности управления, означает ликвидацию тех идей, во имя которых, собственно говоря, и начиналась перестройка: права личности, демократия и т.п.

После президентских выборов журналисты поняли, что прессу можно игнорировать, ее можно просто не замечать, не считаться с ней и не уважать.

Сегодня российские масс-медиа не представляют никакой опасности ни для какой власти и ни для какого режима. Есть, конечно, отдельные журналисты и даже отдельные СМИ, вроде «Новой газеты», стремящиеся сопротивляться липкой лжи, окутывающей страну, но власть держит их для камуфляжа, чтобы можно было на всех углах заявлять: да у нас вон сколько свободы печати. Но речь идет о неких отдельных очагах, которые можно в любой момент лик-

видировать.

На ваш взгляд, сейчас существуют независимые СМИ, то есть независимые как от государства, так и от олигархических группировок?

Есть пресса государственная, которая учреждена властью, властью опекается и финансируется и коммерческая пресса, которая обелуживает бизнес-класс, в смысле выражения его интересов и в смысле связи бизнеса с потребителем. Есть пресса правозащитников, партийная пресса. Термин «независимая пресса» можно отнести с огромным напряжением именно к коммерческой прессе. Именно эта пресса, которая не получает государственных денег, почти не зависит от государственной власти.

Но проблема заключается в том, что российская журналистика не выдержала проверки на профессиональную мораль, очень быстро раздробилась, многие искренне поверили в то, что главное дело журналиста зарабатывать деньги себе и хозяину, в результате мы получили прессу, которая и денег-то больших не зарабатывает, и внутренние изменения своей сущности — давать гражданам объективную, достоверную информацию, на основании которой граждане должны принимать решения.

Что приводит к девальвации журналистики...

К сожалению, да.

А каков Ваш прогноз развития России и СМИ?

Есть три сценария развития России и соответственно, три сценария развития медиапроцессов. Первый я связываю с существованием вектора в сторону европейской цивилизации. Всё-таки около 20 процентов россиян разделяют европейские ценности. Возможно, эти 20 процентов смогут направить Россию по данному пути. Но для этого нужна огромная работа по формированию новых ценностей: ценностей рынка, прав человека, закона, ориентированного на права человека. Это маловероятно, но такой сценарий есть. Вторая версия принципиально противоположна — возврат к тоталитаризму. В стране достаточно много сил — по нашим подсчётам, около 30 процентов — разделяют ценности тоталитарного и авторитарного общества, патерналистского государства. Этот путь — путь национальной катастрофы. Особенно опасно, на мой взгляд, педалирование идей об особом пути России, о том, что мы страна православная, а все прочие — нехристи и враги. Это — прямая дорога к самоубийственному. И третий вариант, который, собственно говоря, и пытается реализовать Путин — умеренно авторитарное государство с сильным репрессивным аппаратом, который будет держать в узде чёрную собаку фашизма, но и не станет позволять развиваться слишком быстро евроориентированным процессам. Но мы, похоже, возвращаемся к системе ценностей великой державы, ориентированной на то, что государство выше личности.

Беседу вел

■ Сергей Солдаткин